

СЕРИЯ «ПРАВОСЛАВИЕ В ЖИЗНИ»

ПОД СТЕКЛЯННЫМ КУПОЛОМ ОДИНОЧЕСТВА



Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2012

УДК 244
ББК 86 372
П 44

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС–13–219–1627

**Под стеклянным куполом одиночества: сбор-
ник.** — М.: Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2012. — 96 с. —
(Православие в жизни).

В нашем мире многие чувствуют себя одино-
кими. Одиночество — одно из тяжелейших мораль-
ных испытаний, но есть в нем и польза, и смысл.
Оно, как и физическая боль, помогает почувствовать
уязвимость не только плоти, но и души.

Где и когда начинается одиночество? Как пре-
одолеть одиночество? Можно ли найти избавление
от одиночества в церковной ограде? На эти и многие
другие вопросы, связанные с состоянием одиноче-
ства, отвечают известные пастыри Церкви. Авторы,
обращаясь со страниц книги к своим современни-
кам, помогут разобраться в проблеме, найти пра-
вильный ориентир, укажут дорогу, которая приведет
к радости бытия.

Издание предназначено для широкого круга чита-
телей.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2012

ISBN 978–5–88017–315–0

СТЕКЛЯННЫЙ КУПОЛ

Валерия Горелова

Известный Робинзон из рома-
на Даниэля Дефо, оказав-
шись совсем один на необитае-
мом острове, добился многого.
Создал образцовое фермерское
хозяйство, построил дом и окру-
жил его крепостью. Тем самым
он защитил себя от физических
страданий — голода, болезней
и хищных зверей. Чувствовал ли
себя счастливым моряк из Йорка,
столь благополучно обустроив-
ший свою жизнь? Разумеется,
нет. Ибо он не в силах был побе-
дить душевное страдание, причи-
няемое одиночеством. Оно терза-
ло Робинзона Крузо до тех пор,
пока милосердный автор романа
не послал ему товарища, дика-
ря Пятницу. В противном случае

Робинзон, сумевший спасти свое тело, вполне мог бы лишиться ума. Двадцать восемь лет без человеческого общества — такое не выдержит даже крепкий, не обремененный рефлексиями рассудок.

Есть два расхожих мнения об одиночестве как неизбежном зле. Первое связано с положением человека в пространстве — на необитаемом острове. Второе — со временем и возрастом. Это, конечно же, старость, когда у задержавшегося на этом свете человека умерли все родные и друзья. Пример Робинзона показывает, что и на затерянном в океане островке можно обрести верного друга. Любой из нас знает некоторое количество людей, в крайне преклонных годах окруженных внимательными родственниками, любящими друзьями, преданными учениками.

На самом деле одиночество куда более коварно и вездесуще. Оно может подкрасться внезапно, невзирая на место, время и даже на возраст. Одиночество среди людей — это, как говорится, общее место, банальность. Но банальность почти всегда отражает реальное положение вещей. Наше отражение в зеркале — привычно, а следовательно, банально.

Это не значит, что оно нереально. Реальность одиночества неоспорима: нет на свете человека, не отбывшего хотя бы некоторый срок в его мрачном каземате.

«Советы психолога»

Одна из особенностей нашего времени — несметное количество прессы, глянцевой и не очень, в большинстве своем поверхностной и вредоносной. Ее катастрофическое нарастание наводит на мысль о всемирном потопе, который однажды погребет под собой все живое. Но не о том речь. В каждом журнале или газете имеется рубрика «Советы психолога». Весьма сомнительно, что в этих советах содержится хоть какой-то здравый смысл, чаще они изумляют своей, мягко говоря, надуманностью. Дипломированные ли психологи дают их или вездесущие журналисты, готовые рассуждать обо всем на свете? Второе представляется более вероятным.

Среди этих бесподобных советов мне запомнился один: «Если на работе вам мешает недружелюбие или прямая враждебность коллектива, научитесь проделывать следующее упражнение. Вообразите стеклянный колпак, прозрачный и достаточно прочный.

Мысленно поместите себя под ним. И тогда никакие враждебные флюиды...» и так далее. Исполним ли этот совет, зародившийся в сознании неведомого «психолога», — дело десятое. Замечательно в нем другое: это почти идеальный образ одиночества. Ты окружен людьми, но одновременно как бы накрыт стеклянным колпаком. Ты видишь окружающих, они видят тебя, ты есть, но тебя вроде бы и нет. Человека обходят вниманием, дружеским приветом, сочувствием, любовью. Кругом люди, но он беспросветно одинок — он под колпаком.

Одиноким человек приходит в мир...

Девять месяцев маленький человечек проводит — нет, не в одиночестве, хотя по видимости это так. Он живет в спасительной материнской утробе, омываемый не только околоплодными водами, но и волнами любви. Внезапно природа выталкивает человечка во внешний мир. Можно лишь предположить, каковы ощущения новорожденного, беззащитного существа. Скорее всего, они сходны с ощущениями астронавта, выпавшего из каюты корабля в холодный, открытый космос. Из теплого убежища — в огромный,

незнакомый мир. Во внезапное и тем самым еще более страшное одиночество.

Не так уж много родильных домов, в которых младенца сразу помещают в палату к матери. Чаще новорожденных сразу уносят в отдельные боксы. Там они лежат в кюветах из прозрачного органического стекла. Физически малыш может чувствовать голод и окружающую температуру. Душа же его — с первых часов жизни проходит через испытание одиночеством. За исключением тех коротких встреч с матерью, когда малыша приносят к ней для кормления, он остается одинокой, беспомощной пушинкой в огромной равнодушной вселенной. Едва ли человеческой душе так уж полезен этот опыт.

Родильные дома — последствия цивилизационных процессов, враждебных человеческой природе. В «мрачном» Средневековье такого быть не могло. Но и современная мать, покинув родильную «фабрику», инстинктивно стремится как можно скорее загладить непосильно тяжелый для младенца опыт одиночества. Игнорируя предупреждения медиков о том, что брать малыша к себе в постель опасно и негигиенично, мать кладет его рядом с собой. В этом акте — не только

эгоистическое удовольствие ощущать рядом родное тельце, но и забота о душе малыша, нормальное желание окутать своей любовью, дать тепло и защиту. Залечить первую в его жизни душевную рану, нанесенную одиночеством.

Пересаживание

Социализация. Это красивое научное слово тешит родительское тщеславие.

— В детском саду моя дочь (сын) социализируется, — утешает себя мать.

На самом деле работающие родители просто вынуждены отдавать трех-четырёхлетнего малыша в казенный дом с утешительным и емким названием «детский сад». Маленький цветок пересаживают из привычного домашнего горшочка на клумбу — в группу, где «цветы» не подбирают специально, а сажают все вместе. Сильных и слабых, бойких и робких.

Еще вчера малыш играл с другими детьми на площадке у дома. Рядом на скамейке — доступная взгляду и прикосновению — сидела мама. Ребенок социализировался, но при этом всем существом чувствовал материнскую защиту. Но вот его привели в незнако-

мый дом, чужая тетя взяла его за руку и ввела в группу незнакомых детей. Мама же, натянуто улыбнулась, помахала ручкой и... ушла. Малыш раздражается громким протестующим ревом и пытается догнать маму. Или покорно шагает в группу — навстречу своему одиночеству в толпе. Счастье, если он быстро адаптируется (еще одно ласкающее слух словечко). А если нет?

Памятная с детсадовского детства картинка: маленькая фигурка на краю длинной скамьи. Не помню, как звали мальчика, не знаю, что стало с ним потом. Помню, что каждый день на прогулке, когда другие дети играли, он, словно часовой, был на своем посту — в конце скамейки. Его не принимали в игру, пробегая мимо, шелкали по лбу или показывали ему язык. Он отвечал жалкой улыбкой и продолжал одиноко сидеть. Воспитательнице было не до него — ребенок на глазах, и ладно. Она только что одела и обула для прогулки два десятка малышей. Теперь имела право отдохнуть. А мальчик сидел — под своим стекляннным колпаком. Один Бог знает, что творилось в его маленькой душе в те детсадовские часы, недели, годы...

Школа выживания

Ребенок приходит из школы печальным и унылым.

— Ты себя плохо чувствуешь?.. Что-то болит?.. Двойку получил? — тревожится мать.

— Нет, ничего, все в порядке, — тихо отвечает ребенок.

— Тебя обижают? Кто? — не отступает мать.

— Никто меня не обижает, с чего ты взяла?

Пройдет немало времени, прежде чем маленький школьник, рыдая, признается:

— Они меня просто не замечают. Я — изгой, лох, пустое место!

Самый трудный возраст — примерно от десяти до пятнадцати лет. Подростки необъяснимо жестоки. Свойство — имманентно присущее возрасту. Попробуйте объяснить это мальчику или девочке, обреченным годами существовать в школьном классе под стекляннным колпаком.

Есть множество причин, по которым ребенок становится изгоем в своем классе. Носит очки, «ботаник», слишком толстый или чересчур хлипкий, странный, задумчивый, «неадекватный» — словом, другой. Подростки живут по законам стаи: белую

ворону либо изгоняют из сообщества, либо просто не замечают. А бывает, преследуют, издеваются, бьют... Школа — один из самых косных социальных институтов. Она может быть хорошо отремонтированной, прекрасно оснащенной. Но в ней десятилетиями действуют законы стаи, раз и навсегда сложившейся репутации мальчика или девочки. Первая красавица и модница такой и останется. Не изменится отношение и к «синему чулку». Впрочем, это устарелое прозвище. Теперь таких называют «лохушками». Неформальный лидер пребудет таковым до последнего звонка. «Ботаник» и «лох» едва ли дождутся изменения своего статуса.

Такие дети и рады бы стать, как все, но не могут. Органически. Девочка, которой интереснее читать книжки или решать задачи из высшей математики, чем увлекаться модой, сплетнями и сериалами, гарантированно будет одинокой в классе обычной средней школы. Мальчик, который не хочет драться, материться, щипать девчонок за мягкое место и курить за школой, обсуждая третьесортный боевик, автоматически выпадает из коллектива. Дома он — гордость родителей: читает Шекспира, смотрит интеллектуальные

фильмы, пишет романы или часами сидит у телескопа, вычисляя расстояния между планетами. В школу отправляется, как на казнь. Одиннадцать лет одиночества обеспечены — без аттестата о среднем образовании не проживешь. Далек не всякий может осилить учебу экстерном. Но неспроста таких детей становится все больше.

Вам не понравился сериал В. Германики «Школа»? Мне — тоже. Но нам не отвернуться от того факта, что там все или почти все — правда. Невыносимая для родителей и привычная для детей.

— Мама, да у нас в школе все то же самое. Я давно к этому привык, — объясняет юный «ботаник».

— Как же ты там?!

— Да никак... Выживаю.

Оборотная сторона медали

Беспочинное счастье юности... Если вдуматься, причины есть. Ты полон сил и энергии, в меру безответствен — своей семье еще нет, но ты пока что под крылом родителей. Вдвойне счастлив, если поступил в тот вуз, в который стремился. Выбравшиеся из-под колпака одиночества в школе, попадают

в дружественную среду студентов, разделяющих его интересы. «От сессии до сессии живут студенты весело». Но у этой медали есть обратная сторона. В скрытом от глаз окружающих «сумеречном мире» творится своя непростая работа.

Благополучный юноша прекрасно учился в школе, легко поступил в престижный вуз. Но однажды оставил записку: «Простите, больше не могу жить». И — вышел в окно.

— Он всегда был таким спокойным, ровным, ни на что не жаловался, — объясняли убитые горем родители.

Им осталось лишь перебирать догадки о том, что толкнуло сына к роковому шагу: безответная любовь? чьи-то преследования? запутался в долгах? попал в нехорошую компанию?.. Вряд ли они найдут конкретный ответ. Да и послужит ли он утешением? Очевидно одно: что бы с этим юношей ни случилось, к самоубийству его толкнуло одиночество. Не с кем было обсудить проблему, которую он считал неразрешимой. Не захотел беспокоить родителей. И рядом не случилось внимательного взрослого, вызывающего безусловное уважение человека, чей совет и участие, может быть, и удержали бы от губельного решения.

Покинув школу, юное существо выходит в мир жизненных «университетов». Не всегда это университет в прямом смысле слова. Молодой человек, не поступивший в вуз, призывается в армию.

— Не спишь ночью в казарме и слушаешь звуки, — рассказывал мне приятель, отслуживший в «элитной» воинской части. — Храп, вздохи. И — шур-шур — чья-то бритая, едва обросшая голова трется об подушку. Значит, и он не спит, бедолага.

Отслужившие в армии чаще всего с горечью вспоминают даже не дедовщину (побьют и отстанут, если не «прогнешься»), не бесконечные марш-броски с полной выкладкой, не маршировку на плацу и до крови стертые сапогами ноги. Не чувство голода, почти постоянно преследующего в армии молодых растущих парней.

— Ты никогда не бываешь один, — вспоминают те, кто прошел срочную службу. — В казарме, в классе, в бане, на плацу — везде и всегда тебя окружают люди.

Для натур хоть сколько-то сложных или просто тоскующих по дому в армии гарантировано неизбывное одиночество в толпе. Слитные ряды марширующих под строевую

песню — это множество одиночеств. Каждый под своим стеклянным колпаком. Не исключено, что именно это невыносимое чувство толкает к дезертирству, заставляет жать на курок автомата, расстреливая своих сослуживцев. Ведь не всегда же солдаты-срочники оказываются убийцами тех, кто над ними издевался. Одиночество может ожесточить против всех. И это — один из самых страшных его симптомов.

Никто меня не понимает...

Когда после бессонной ночи Ромео бродил по Вероне, страдая от неразделенной любви к Розамунде, он и представить себе не мог, что нынче же вечером ему суждено встретить Джульетту.

Когда отверженная женихом Наташа Ростова, больная от горя, слушала неловкие утешения графа Безухова, она не подозревала, что этот добрый, толстый и такой привычный Пьер через несколько лет станет ее мужем, в браке с которым она будет счастлива.

Юность не верит, что муки неразделенной любви конечны. Не верит, что любовь эта не последняя.

— Это лишь первая влюбленность. Настоящая, большая любовь еще впереди, — пытаются уговорить родители и друзья с большим жизненным опытом.

Пустые хлопоты. Лучше спрятать подальше от безнадежно влюбленного повесть Гете «Страдания юного Вертера». Гениальный немец описал безответную любовь как неотъемлемую часть жестокого, равнодушного мира. Самоубийство героя в финале стало вызовом миру, населенному, по его мнению, сплошь напыщенными лицемерами. Роман принес автору всемирную славу и... волну подражательных самоубийств. Сам Гете благополучно пережил свою страсть, не раз влюблялся и, в конце концов, женился на Христиане Вульпиус, родившей ему пятерых детей.

Благо, далеко не все безответно влюбленные кончают счеты с жизнью. Но неоспоримый факт — спутником такой любви всегда бывает чувство мучительного одиночества. «Как они могут говорить о пустяках, смеяться, заниматься будничными делами, когда мое сердце разбито? Как могут жить, когда я умираю?» — думает безответно влюбленный юноша или покинутая возлюбленным девушка.

Если вам приходилось испытать муки неразделенной любви, вы наверняка рассуждали подобным образом. Поистине всякий, кто прошел через это болезненное чувство, сидел под стекляннным колпаком, изумляясь равнодушию окружающих.

И все же однажды несчастный влюбленный выберется из-под стекляннного колпака и вернется к будничным заботам и радостям. Куда сложнее тем, кого настигает супружеская измена и следующий за нею развод.

— Прости, я полюбил другую, — миллионам женщин приходилось услышать подобное признание.

Привычный мир рушился, и одиночество — не надуманное, а вполне реальное склонялось к изголовью. Если развод настигает человека в среднем возрасте, есть шанс, пережив измену, вновь выйти замуж. Для мужчин, оставленных женами, возраст, как правило, не имеет значения. Девять из десяти покинутых мужей вступают в новый брак с быстротой, изумляющей родных и знакомых. Для женщин в годах второй брак — почти всегда неразрешимая проблема. «Одиночество и беллетристика — вот ее удел», — шутливо замечает о своей пожилой

тетушке очаровательный Костик из фильма «Покровские ворота». Вольно ж ему шутить...

Дети выросли, у них своя отдельная жизнь. Одинокая немолодая женщина ищет утешения в воспитании внуков — благо, если они есть. «Даруй мне тишь своих библиотек, твоих концертов строгие мотивы», — обращалась к одиночеству поэтесса Белла Ахмадулина. Книги и музыка — неплохое средство, но они лишь иллюзия общения. Человеку нужен человек.

— Почему замуж не выходите? — спросил священник разведенную женщину.

— Батюшка, да мне скоро шестьдесят!

— Так и в шестьдесят хочется нежности, — рассудил батюшка.

И в шестьдесят, и в семьдесят, и позже... Нет возраста, в котором не нужна была бы родная душа, теплое плечо, на которое можно склонить усталую голову.

Одинокое сердце томится, а лукавый ум подсказывает: «Посмотри на знакомые пары, так ли уж они счастливы вместе?»

— И верно, — утешает себя женщина. — Лучше уж быть просто одной, чем одинокой в браке. Вон Петровы сорок лет вместе, а толку? Живут в разных комнатах, как соседи в коммуналке. И так уже лет двадцать, если не больше.

Верно, живут. Общаются через собаку:

— Пальмочка, скажи ему, чтобы не пачкал пол своими сапожищами.

— Пальма, передай ей, чтобы отстала.

У них общее хозяйство.

— Я положил деньги на холодильник.

— Хорошо...

Общие молчаливые трапезы.

— Обедать будешь?

— Да.

Едят за одним столом, но каждый — под своим колпаком, в собственных одиноких думах. Со стороны — мирная супружеская пара. По существу — два одиночества, тем более горьких, что обрекли себя делать вид: у нас все в порядке, мы вместе. Ни счастье, ни горе не могут объединить две души, давно утратившие любовь. Ведь только любовь, а не видимость брака объединяет супругов вопреки внешним обстоятельствам — счастливым или печальным.

Обнимемся и будем плакать вместе

Говорят, что счастье эгоистично. Пожалуй, оно так и есть. Лишь высокие души стремятся поделиться им, помогая больным и обездоленным. Обычному среднему человеку

свойственно уединяться со своим счастьем, чтобы острее почувствовать его. Сложнее с тем, у кого горе. Несчастный человек далеко не всегда ищет уединения. Ночь, когда все в мире спит, самое тяжелое для него время: горе давит, как чугунная плита. А днем, среди людей... Положа руку на сердце, далеко не все представляют, как подступиться к сраженному горем человеку. Малодушные заставляют держаться в стороне. Присутствие несчастного странным образом сковывает окружающих, они не знают, как помочь, какие найти слова, как правильной повести себя.

Несколько лет назад моя знакомая переживала глубокое горе — смерть десятилетней дочери. У этой женщины был младший сын, любящий муж, родители. Малыш лишь растравлял ее рану вопросами:

— Где сестренка? Когда она вернется?

Муж и родители ушли в свои переживания. На то, чтобы разделить горе матери, у них попросту не было сил. Оставались друзья, соперничавшие изо всех сил. Подруги приходили в гости, старались отвлечь разговорами о постороннем. Им казалось, что так будет лучше. Главное, чтобы несчастная женщина не оставалась подолгу наедине со своим

горем. Держалась она стойко: не плакала, не жаловалась. Лишь иногда замирала, устремив глаза куда-то в пространство. И все мы, сердобольные ее друзья, не могли не видеть, что она с нами только по видимости. На самом деле она бесконечно одинока в своем невыносимом горе.

Шло время, острота утраты притупилась. Боль не ушла, она стала привычной, как хроническая болезнь. Можно было жить дальше и даже говорить о своей утрате. И о том, чего ей не хватало в те самые страшные дни:

— Подруги хотели мне помочь, но все же порой это было невыносимо...

— Хотелось побыть одной?

— Ну, что ты! В одиночестве я бы, наверное, сошла с ума. Это хорошо, что меня не оставляли. Просто... Все было не то — попытки отвлечь разговорами на посторонние темы или скорбное молчание. Мне нужно было другое.

Дело в том, что никому из нас не хватило простоты и непосредственности, чтобы, отбросив сомнения и неловкость, обнять ее и поплакать вместе с ней. Только так можно было разбить стеклянный колпак, под которым она изнывала — одна среди людей.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Валерия Горелова</i>	
Стекланный купол	3
<i>Епископ Смоленский и Вяземский Пантелеимон (Шатов)</i>	
Одиночество и правильное устройство души	25
<i>Протоиерей Алексей Уминский</i>	
Путь к Богу – всегда одинокий путь	37
<i>Протоиерей Валентин Уляхин</i>	
От одиночества никуда не убежать...	50
<i>Протоиерей Сергей Резников</i>	
Одиночество – дар Божий	57
<i>Протоиерей Антоний Коваленко</i>	
Одиночество: в поисках Любви	72
<i>Протоиерей Максим Козлов</i>	
Одиночество в храме?	78
<i>Епископ Смоленский и Вяземский Пантелеимон (Шатов)</i>	
Как преодолеть разделение	88
<i>Протоиерей Дмитрий Смирнов</i>	
Делать добро	93

Религиозно-просветительское издание

Серия «Православие в жизни»

ПОД СТЕКЛЯННЫМ КУПОЛОМ ОДИНОЧЕСТВА

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*. Редактор *И. Черкесова*. Технический редактор *З. Кондрашова*. Корректор *Т. Горячева*. Верстка *Ю. Рахманина*. Фото *С. Власов*. Подписано в печать 23.11.2012. Формат 70×100 1/32. Объем 3,0 п. л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № . Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. 119435, Москва, ул. Погодинская, 18

Отповый отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

e-mail: books@rop.ru

http://www.rop.ru